

Примечания

¹ Дубов И.В. Залесский край. Эпоха раннего средневековья. СПб., 1999. С. 5, 8.

² В последние годы участие скандинавского элемента в этнической истории народов Северо-Запада все более активно изучают антропологи. См.: Санкина С.Л., Козинцев А.Г. Антропологическая характеристика серии скелетов из средневековых погребений Старой Ладogi // Антропология сегодня. Вып. 1. СПб., 1995. С. 90–107; Санкина С.Л. Возвращаясь к норманской проблеме (Могильник Куреваниха 2) // Этнограф. обозрение (далее – ЭО). 1998. № 2. С. 150–156.

³ См., напр.: Дубов И.В., Седых В.Н. Свекор-батка говорит: к нам медведицу ведут // Живая старина. 1997. № 4. С. 40–41. Медведицей в Пошехонье Ярославской губ. называли молодую, приходящую в дом свекра.

⁴ Об этом см.: Решетов А.М. Проблема интеграции этнографических и археологических исследований в свете истории науки // Интеграция археологических и этнографических исследований. Матер. IV Всерос. науч. семинара, посвященного 60-летию со дня рождения В.И. Васильева. Ч.1. Новосибирск; Омск, 1996. С. 85–89; Томилов Н.А. Этноархеология как научное направление // ЭО. 1999. № 6. С. 75–84.

А.М. Решетов

© 2001 г., ЭО, № 1

Э.Г. Александренков. Статья кубинцем: проблемы формирования этнического самосознания (XVI–XIX вв.). М., 1998. 280 с.

Книга Э.Г. Александренкова продолжает серию фундаментальных исследований Института этнологии и антропологии РАН, посвященных анализу генезиса и функционирования такого сложного феномена как этническое самосознание. Отрадно, что эта важнейшая тема, которая начиная с конца XVIII в. занимает центральное место в творчестве многих российских философов и антропологов, остается в поле зрения современных исследователей. Работа Э.Г. Александренкова вместе с исследованиями Р.Ш. Джарылга-синовой, Е.А. Шервуд и анализом самосознания русских продолжает традицию российской науки, получившую отражение в трудах мыслителей XIX в.

Исследование Э.Г. Александренкова выполняет сложную специфическую задачу – дает анализ формирования этнического самосознания населения, жившего на относительно замкнутой территории, в условиях различных культурных влияний и неоднородного расового состава (индейцы, африканцы, испанцы). Автор выделяет три важнейших этапа этого сложного исторического процесса. Первый – XVI–XVII вв. – начало, первые ростки местного самосознания, основанные на противоречии с интересами метрополии (с. 69–71, 124). Второй – формирование региональных самосознаний в XVIII в. (с. 124–136). И, наконец, третий – становление кубинского этнического самосознания в XIX в. (с. 216–236).

Основной способ исследования, используемый Э.Г. Александренковым, – историко-культурная реконструкция на основе лингвистического анализа, исторических свидетельств (например, сообщение Х. Колумба, с. 42) и уникальных архивных документов, которые автор длительное время изучал в архивах различных кубинских городов. Уже только введение в научный оборот новых исторических источников делает рецензируемую книгу сверхценной для нынешних и последующих поколений историков. Огромную ценность для изучения истории Кубы в целом представляют этнодемографические статистические данные (с. 71–77, 97–98, 148, 153 и др.) и сведения об основных занятиях жителей острова в различные исторические периоды.

При изучении каждого периода истории Кубы автор анализирует несколько аспектов взаимодействий, так или иначе влиявших на процесс формирования самосознания: этнодемографические факторы (расовая принадлежность, смешанные браки и др.), особенности экономической жизни, обеспечивающей единство страны и противопоставление «своих» и чужих интересов, появление «собственной» культуры в XIX в. Значительную роль в исследовании Э.Г. Александренкова играет анализ тенденций, ведущих к раздробленности, дезинтеграции и, наоборот, к единению всех жителей острова. На мой взгляд, это очень

существенный аспект исследования – показать становление этнического самосознания в процессе взаимодействия дезинтегрирующей и интегрирующих тенденций.

В потоке интересных исторических фактов, статистических данных, таблиц, иллюстрирующих динамику численности населения острова, на протяжении всей книги не теряется главная идея автора – показать, как в форме языковых категорий постепенно формируется представление о едином «мы» жителей острова. При этом тщательно анализируются названия самых различных категорий населения как в социальном, так и в этническом (расовом) плане.

В книге прослеживается длительная история формирования единства островного населения. Уже в XVII в. местное самоназвание «аборигенного» населения «indios» утрачивает свое значение. В это же время складывается оппозиция «негр» – «белый», и возникает очень мощное влияние «испанского самосознания» (с. 87). Но доминирование «испанского» самосознания уже в конце XVIII в. серьезно подрывалось фактором местного происхождения, для обозначения которого все группы населения использовали слово «натураль».

При наличии смешанных браков Э.Г. Александренков отмечает одно важное обстоятельство, способствовавшее впоследствии интеграционным процессам на Кубе. «Вероятно, – пишет автор, – осознание своих отличий от жителей метрополии было особенно сильно в группах населения острова, смешанных физически. Если потомок двух предков разного этнического происхождения мог унаследовать групповую принадлежность того или иного, то при смешении рас такого выбора, как правило, не было. "Мулат" не мог быть ни "испанцем" (или "белым"), ни "негром", "метис" – ни "испанцем", ни "индейцем". И тот и другой были новым явлением, общество признавало их таковым, и они должны были считать себя таковыми. Должно было появиться новое самосознание (с. 88). И хотя в XVII в. еще рано говорить о едином островном самосознании, но именно к этому времени относится интересный факт – восприятие испанских чиновников как иностранцев.

В XVIII в. интеграционные процессы на Кубе продолжали развиваться. Это получило отражение в терминологии, обозначающей жителей острова, их общность: употребляется термин «островной» (с. 131), более широкое значение получает термин «весино» (ранее он обозначал мулатов и негров) (с. 128). Вместе с ними для названия жителей острова стали применяться слова «cubano», «habanero». Фундаментальное значение для формирования этнического самосознания в XVIII в. имело более частое употребление слова «patria» («родина», «страна», «народ»).

Анализируя историю Кубы XX в., по мнению Э.Г. Александренкова, уже можно говорить о появлении этнического самосознания *кубинцев* – относительно единой общности людей, живущих на территории, которую они считают своей родиной, и имеющих единое самоназвание (кубинцы). Согласно данным автора, распространение терминов «кубинец», «кубинка» относится к 40-м годам XIX в. Еще в 1920-е годы предпочитали говорить и употреблять слова натуралис, земляки, хабанерос и др. Значительную роль в распространении этого термина сыграла собственная островная культура – развитие кубинской поэзии, прозы, музыки, прессы (с. 153–172).

Подводя итог исследования Э.Г. Александренковым формирования кубинского этнического самосознания, я хотел бы высказать только одно замечание. Думаю, что более концентрированно следовало бы показать роль католической церкви в интеграции (дезинтеграции?) рассматриваемой общности. Небольшая глава «Церковь и культура» (с. 173–175) не соответствует значимости конфессионального фактора в становлении и функционировании этнического самосознания на Кубе.

Весьма важным итогом исследования Э.Г. Александренкова представляется вывод о невозможности применения конструктивистского подхода для объяснения процесса формирования этнического самосознания.

И последнее. Хотелось бы пожелать автору продолжить повествование об особенностях этнического самосознания на Кубе, но уже в конце XX в. и рассказать нам о том, как надо смешивать лед, сок лимона *прош* с сахаром, как рыбачат на Кубе, а также о других деталях образа жизни кубинцев, изучению которого Э.Г. Александренков посвятил почти 40 лет...

А.А.Белик